

Деструктивная напряженность (к 90-летию А.С. Ахиезера)

И.В. Кондаков

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия*

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-8-49-67

Оригинальная исследовательская статья

Аннотация

Настоящая статья посвящена феномену деструктивной напряженности. Это новое для отечественной и мировой гуманитарной науки понятие. Благодаря трудам А.С. Ахиезера и его последователей широко известно понятие «конструктивная напряженность». Оно призвано представить любую культуру как дуальную оппозицию, два полюса которой демонстрируют ее желательное и нежелательное состояние, а вектор напряженности, протянутый от нежелательного к желательному, означает социокультурную конструктивность, обеспечивающую целостность и идентичность культуры. Социокультурные механизмы – инверсия и медиация – поддерживают конструктивную напряженность культуры и ее поступательное развитие. Не менее важна для культуры ее деструктивная напряженность, свидетельствующая о кризисе конструктивности, росте дезорганизованности культуры и общества, угрозах катастрофических процессов. Показателем социокультурного кризиса является столкновение и борьба между собой механизмов конструктивной напряженности – инверсии и медиации, во многом взаимоисключающих. К ним присоединяются механизмы деструктивного характера – эридика и «расщепление смыслов», представляющие собой дальнейшее развитие механизмов конструктивной напряженности в неблагоприятных условиях. Деструктивная напряженность культуры проявляется в противоречивом взаимодействии бинарных и тернарных структур, в принципе несовместимых. Между ними невозможен диалог; в результате их взаимодействия исключено рождение нового социокультурного результата. Деструктивная напряженность культуры – предвестник упадка, разрушения и гибели цивилизации. Снижение «градуса» напряженности ведет к падению деструктивности и возвращению культуры в русло конструктивной напряженности. Другая возможность преодоления деструктивности – это трансцендентная напряженность – своего рода уход субъекта культуры от дилеммы ее конструктивности и деструктивности.

Ключевые слова: конструктивная и деструктивная напряженность, инверсия, медиация, эристика, расщепление смысла, бинарные и тернарные структуры, трансценденция.

Кондаков Игорь Вадимович – доктор философских наук, кандидат филологических наук, профессор, действительный член РАЕН, почетный работник общего образования РФ, профессор кафедры истории и теории культуры факультета культурологии РГГУ, ведущий научный сотрудник сектора художественных проблем массмедиа Государственного института искусствознания, приглашенный профессор Нанкинского университета (КНР).

ikond@mail.ru

<http://orcid.org/0000-0002-8903-8368>

Для цитирования: Кондаков И.В. Деструктивная напряженность (к 90-летию А.С. Ахиезера) // Философские науки. 2019. Т. 62. № 8. С. 49–67. DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-8-49-67

Destructive Tension **(On the 90th Anniversary of the Birth of A.S. Akhiezer)**

I.V. Kondakov

Russian State University for the Humanitie, Moscow, Russia

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-8-49-67

Original research paper

Abstract

This article discusses the phenomenon of destructive tension. This concept is new for domestic and world humanitarian science. Thanks to the works of A. Akhiezer and his followers, the concept of “constructive tension” is widely known. This concept is intended to represent any culture as a dual opposition, the two poles of which demonstrate its desirable and undesirable state, and the vector of tension, stretched from undesirable to desirable, means socio-cultural constructiveness, ensuring the integrity and identity of culture. Socio-cultural mechanisms – inversion and mediation – support the constructive tension of culture and its progressive development. No less important for culture is its destructive tension, indicating a crisis of constructiveness, the growth of disorganization of culture and society, the threats of catastrophic processes. The indicator of the socio-cultural crisis is the clash and struggle between the mechanisms of constructive tension, that is, between inversion and mediation, which are mutually exclusive. They are joined by mechanisms of a destructive nature – eristic and

“splitting of meanings,” which are further development of mechanisms of constructive tension in adverse conditions. The destructive tension of culture manifests itself in the contradictory interaction of binary and ternary structures, which are incompatible in principle. Dialogue between them is impossible; as a result of their interaction, the birth of a new socio-cultural result is impossible. The destructive tension of culture is an omen of the decline, destruction and the death of civilization. The reduce of the level of tension leads to the fall of destructiveness and the return of culture to the channel of constructive tension. Another possibility of overcoming destructiveness is transcendental tension, that is a kind of departure of the subject of culture from the dilemma of its constructiveness and destructiveness.

Keywords: constructive and destructive tension, inversion, mediation, eristic, splitting of meaning, binary and ternary structures, transcendence.

Igor V. Kondakov – D.Sc. in Philosophy, Ph.D. in Philology, Professor, Russian Academy of Natural Sciences Full Member, Honorary Worker of General Education of the Russian Federation, Professor at the Department of History and Theory of Culture, Faculty of Cultural Studies, Russian State University for the Humanities; Leading Research Fellow at the Department of Mass Media Arts, State Institute for Art Studies (Russia); Visiting Professor at Nanjing University (People Republic of China).

ikond@mail.ru

<http://orcid.org/0000-0002-8903-8368>

For citation: Kondakov I.V. (2019) Destructive Tension (On the 90th Anniversary of the Birth of A.S. Akhiezer). *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 62, no. 8, pp. 49–67.
DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-8-49-67

Введение

С тех пор как выдающийся ученый конца XX – начала XXI вв. А.С. Ахиезер создал свою теорию социокультурной динамики, в научный обиход широкого спектра гуманитарных наук вошло понятие «конструктивная напряженность». Возникая между полюсами дуальной оппозиции, один из которых воспринимается как комфортный, а другой – как дискомфортный, конструктивная напряженность, по словам А.С. Ахиезера, «является фиксированной в культуре движущей силой воспроизводственной деятельности» [Ахиезер 2008а, 76]. Одновременно она «выступает как пружина развертывания логических форм мысли и деятельности». Далее, «любая дуальная оппозиция, ставшая содержанием человеческой деятельности, приобретает определенный вектор, *вектор*

конструктивной напряженности», направляющий деятельность «от одного полюса к другому, от зла к добру, от дискомфортного состояния к комфортному» [Ахиезер 2008а, 76].

А.С. Ахиезер настаивал, что «в принципе, любое сообщество, социальное отношение могут существовать, если им присуща конструктивная напряженность, т.е. необходимость для членов организации направлять свою творческую энергию на защиту, воссоздание, формирование определенных ее характеристик (*гиперцентра*) и стремление уйти от нежелательного состояния (*гипоцентра*)» [Ахиезер 2008а, 78]. *Вектор конструктивной напряженности* является также «необходимым элементом каждой клеточки культуры, каждого сообщества, каждого акта деятельности» [Ахиезер 2008а, 76].

Делая акцент на феномене напряженности *конструктивной*, ученый объяснял это тем, что «она нацеливает человека на воплощение, воспроизводство некоторого заложенного в культуре идеала, отождествляемого с одним полюсом и противопоставляемого другому», а *напряженность* культуры объяснял возникновением *поляризации, субординации, иерархизации* ценностей, окрашивающих мир «в цвета любви и ненависти, добра и зла» [Ахиезер 2008а, 74–75]. Вместе с тем он отмечал, что «рост дезорганизации в обществе» приводит к «разрыву конструктивной напряженности личности и сообщества» и возникновению «*дискомфортного состояния*», переживаемого как хаос и «шабаш зла» [Ахиезер 2008а, 75]. Так на повестку дня встала проблема «деструктивной напряженности» культуры.

Феномен социокультурной дезорганизации

А.С. Ахиезер вошел в историю общественных наук как создатель фундаментального труда «Россия: критика исторического опыта», выдержавшего три издания, значительно отличающихся друг от друга (1991, 1997, 2008). В этом труде его автором была представлена новая концепция философии истории (в частности, применительно к России) и выявлены теоретически обоснованные закономерности исторического процесса (во всемирном и национальном масштабе). Над своей всеобъемлющей концепцией А.С. Ахиезер продолжал работать до последнего дня жизни, уточняя детали и формулировки, внося новые факты и их интерпретации, совершенствуя ее структуру и информационное оснащение. Однако сама концепция по большому счету не менялась. Автор был уверен в ней.

В ходе работы над главным трудом жизни А.С. Ахиезер нащупывал подступы к новым для себя проблемам и их решениям. Эти проблемные зоны, волновавшие ученого и философа в последние годы его жизни, представляют для нас, его учеников и последователей, особый интерес и повышенную ответственность для осмысления. К таким проблемным зонам, занимавшим ученого, относятся дезорганизация, дезинтеграция, архаизация, катастрофизм, разрушение человеческого мира и его усложнение, а также способы противостояния человека и культуры всем эти деструктивным процессам [Ахиезер 2008б, 905–929].

Для Александра Самойловича поворот к подобным сюжетам был новым. Хотя и ранее, в процессе работы над «Критикой исторического опыта», он касался таких проблем, как раскол, деградация, перелом, упадок, разруха, крах, даже катастрофа, – все эти понятия (за исключением раскола) были для автора второстепенными по сравнению с ключевыми концептами – инверсия и медиация, срединная культура, соборность, идеал всеобщего согласия, либерализм, локализм, утилитаризм и др. И это неслучайно. Ведь автора – историка и философа, социолога и культуролога – интересовали закономерности исторического процесса, в своей основе поступательного и позитивного (при всех его рисках, кризисах, торможениях, откатах назад). Сама «критика исторического опыта», которую вел в своей главной книге А.С. Ахиезер в отношении России, предполагала в качестве своего предмета накопленный Россией «исторический опыт» – некое культурфилософское достояние России, приобретенное ею в процессе исторического развития.

Выстраивание подобного опыта как предмета социокультурного анализа и философского обобщения опиралось у А.С. Ахиезера на феномен «конструктивной напряженности» – механизм, моделирующий «исторический опыт» как целое.

«Конструктивная напряженность, – пишет он в Словаре, прилагаемом к “Критике исторического опыта”, – напряженность субъекта, предпосылка освоения человеческой реальности через дуальную оппозицию, превращения возникшей проблемы в проблему внутренней перестройки субъекта, самокритики, самоизменения, включающих формирование и реализацию вектора дуальной оппозиции» [Ахиезер 2008а, 863]. В свою очередь, дуальная оппозиция складывается из «позитивной ценности», «которую следует воспроизводить, предохранять от деструк-

ции», и «негативной ценности», «от которой следует уходить, перестать воспроизводить, бросить на произвол судьбы». Далее, «вектор конструктивной напряженности» направлен «против дезорганизации, энтропийных процессов», «на преодоление социокультурных противоречий». «Интерпретация субъектом любой реальности как поля *между* полюсами дуальной оппозиции превращает его из поля ценностно нейтральных явлений в поле, где каждая точка несет специфическую нравственную нагрузку, оценивается как точка притяжения или отталкивания субъекта» [Ахиезер 2008а, 863].

Здесь же автор обговаривает «механизм разрушения» конструктивной напряженности, который «заключается, прежде всего, в подавлении, разрушении, дезорганизации наиболее продвинутых социокультурных сил развития, составляющих полюс, куда был направлен вектор **к**[онструктивной] **н**[апряженности], ведущий к воспроизводству высших ценностей, поддерживающих своим существованием **К.н.**» [Ахиезер 2008а, 863]. В этом случае мы имеем дело с противоположным полюсом – *деструктивной напряженностью*. Когда А.С. Ахиезер осмысляет Россию как «высоко дезорганизованное общество» [Ахиезер 2006, 127–136], он готов подтвердить действие деструктивной напряженности на периферии российской истории и культуры. Однако феномен деструктивной напряженности, в отличие от парного ему феномена конструктивной напряженности, практически не изучен, а во многих случаях – и не замечен.

Хотя понятия «конструктивной напряженности» и «деструктивной напряженности» в совокупности составляют своего рода дуальную оппозицию (как, впрочем, и концепты «организация» и «дезорганизация»), представить пролегающий между ними единый *вектор напряженности* невозможно. Если конструктивная напряженность направлена на формирование позитивных ценностей, на воспроизводство созидательной деятельности, на предохранение от деструкции, дезорганизации, разрушения и т.п., то деструктивная напряженность направлена на прямо противоположное: на деформацию позитива, на разрушение и дезорганизацию высших ценностей человеческого мира, на развитие энтропийных процессов, на углубление социокультурных противоречий в культуре и обществе и формирование «потокос дезорганизации, катастроф» [Ахиезер 2008б, 927].

Предпринимая попытку осмысления России как «высоко дезорганизованного общества», А.С. Ахиезер показал, что это совершенно новая область исторических и культурфилософских исследований на всех уровнях общественных процессов, методология которых еще не разработана. «Социальная энтропия охватывает все элементы общества, ставя под угрозу любую целостность, включая формы культуры, социальные связи, отношения, снижая возможность выживаемости, жизнеспособности и воспроизводственные потенции субъекта. Опасность дезорганизации в том, что она, по достижении определенного порога, может стать необратимой, перерастая в катастрофу, в распад. Катастрофа – результат недостаточности массового культурного потенциала для преодоления дезорганизации, недостаточной способности противостоять катастрофам» [Ахиезер 2006, 127].

Общество, не реализовавшее потенциал осевого времени, по словам ученого, «отвечало на усложнение подлежащих формулированию и решению проблем не столько повышением эффективности решений, сколько экстенсивной адаптацией к дезорганизованной реальности» [Ахиезер 2006, 129]. «...Слабость всеобщего диалога в масштабе большого общества привела к замещению возникшего вакуума хаосом разрушающих друг друга локальных диалогов, что и составляет непосредственную почву массовой дезорганизации» [Ахиезер 2006, 129–130]. Рост массовой дезорганизации общества означает эскалацию агрессии и насилия, коррупции и экологических проблем, социальных, этнических и военных конфликтов, слабость демократических институтов и законности, произвол чиновников и силовиков, тяготение государства и госучреждений «к превращению в агентов локальных, случайных частных интересов» [Ахиезер 2006, 130].

Механизмы социокультурной напряженности

Стоит задуматься над тем, как социокультурные механизмы реализуют дезинтеграцию базовых концептов культуры, т.е. фактически разрушение менталитета данной культуры. Эти механизмы характеризуют деструктивную напряженность культуры, ведущую к потере культурной и цивилизационной идентичности и распаду культурного целого изнутри, они указывают на готовность истории к резким поворотам [Кондаков 2018а, 61–66].

Механизмы *конструктивной напряженности* – инверсия и медиация – отвечают за эволюционное развитие социума и

культуры. Так, *инверсия* является «формой альтернативного выбора» внутри дуальной оппозиции; *медиация* размывает изнутри дуальную оппозицию, формируя зону «между» смысловыми полюсами – срединную культуру, а вместе с ней инициирует порождение социокультурной *рефлексии* – новых значений и смыслов, способствующих историческому развитию культуры по пути социального и культурного прогресса [Ахиезер 2008а, 76–82, 870–872; Пелипенко, Яковенко 1998, 309–331; Давыдов, Розин 2017, 53–66, 74–85, 94–116, 177–184].

Инверсия представляет собой развитие дуальной оппозиции, исключаящее формирование срединной культуры и состоящее в нагнетании противостояния исходных смысловых полюсов, чреватого расколом культуры и социума. Это также механизм эволюционного развития, но развития тормозящего, ориентированного на воссоздание прошлого, воспроизводство архаики, культивирование традиции и традиционности в культуре, нередко ведущих к социальному и культурному регрессу [Ахиезер 2008а, 859–861].

Однако наряду с конструктивной напряженностью культуры существует и противостоящая ей *деструктивная напряженность* культуры, формируемая иными культурными механизмами, нежели инверсия и медиация. Более того, деструктивная напряженность в культуре возникает именно в том случае, когда механизмы инверсии и медиации вступают в противоречие между собой и «погрязают» во взаимной борьбе. Инверсия, апеллируя к *закрытости* культурного пространства, консервирует бинарность и блокирует складывание срединной культуры, разделяющей и соединяющей контрастные смысловые полюса. Медиация, напротив, обращаясь к принципу *открытости*, моделирует тернарность, «снимая» дуальную оппозицию в культуре за счет формирования области нейтральных значений [Лотман 1992, 176–189, 257–265; Пелипенко, Яковенко 1998, 64–72; Кондаков 2014, 112–113].

В результате обострившейся борьбы разнонаправленных механизмов конструктивной напряженности – инверсии и медиации (как это происходит во время революции или иных экстремальных событий) – возникает зона особой плюралистичной *ценностно-смысловой неопределенности*, в которой смешиваются бинарные и тернарные структуры, сталкиваются между собой дивергентные и конвергентные процессы, возникает «срединная культура», фактически не являющаяся таковой, поскольку новообразованная

область «между» исходными полюсами противостояния оказывается изначально расколотой, внутренне раздробленной и потому неспособной выработать компромиссные решения в отношении поляризованного ценностно-смыслового пространства. Это уже не семиотическая «пустота», которая обычно предшествует историческим поворотам, а, скорее, «переполненность» различными смыслами («снятыми», актуальными, потенциальными и даже «забытыми») – на грани хаоса [Ахиезер 2008б, 908, 912–913; Кондаков 2017, 221–225; Кондаков 2018б, 173–175].

Возникновение пространства многовекторной ценностно-смысловой неопределенности – необходимое условие революции и сопровождающего ее социокультурного «взрыва». Плюралистическая ценностно-смысловая неопределенность (выражаемая в русской ментальности, в частности, концептом «авось» [Ахиезер 2006, 131; Вежбицкая 1997, 76–79]), во-первых, затрудняет само принятие решений, а во-вторых, дезориентирует субъекта культуры при выборе определенного решения среди множества альтернативных и взаимоисключающих задач. Образуется бессистемный «ком» взаимоисключающих смыслов и значений, происходит хаотизация и деструктуризация культуры, а вместе с ней и социума, и исторического процесса.

Пушкинская вещая оценка «русского бунта» как «бессмысленного и беспощадного» проливает свет на социокультурную семантику революции вообще: в разнонаправленных процессах и взаимоисключающих оценках нет и не может быть смыслового единства и конструктивной организации, а нарастающая интенсивность столкновений и борьбы противоположных сил и тенденций не находит в социокультурном контексте сдерживающих или ограничивающих факторов, что порождает эскалацию деструктивных процессов и следом – «цепную» реакцию распада общественного целого (см.: [Ахиезер 2008а, 369–401]).

В условиях сложившейся и нарастающей смысловой неопределенности и начинают действовать механизмы деструктивной напряженности, направленные на распад существующей культуры и ее семантики. Один из них – *эристика* (от греч. ἐριστική τέχνη – «искусство спора» – термин Аристотеля в полемике с софистами), демонстрирующая собой безразличие к проблеме выбора (решения, действия, принципа, направления, смысла, идеала и т.п.), а вместе с

тем и к обретению какой-либо социокультурной определенности¹. Другой разрушительный механизм – собственно «*расщепление*» смыслов – «заведует» технологией «цепной реакции» – последовательного амбивалентного «расщепления» базовых концептов культуры, а в их сопряжении – и культурного «ядра» в целом [Кондаков 2017, 223–227; Кондаков 2018а, 64–65].

Эристика направлена *вовне* и способствует *расширению* пространства смысловой неопределенности, распространяя процессы хаотизации культуры вокруг возникающих проблемных узлов – центров деструктивной напряженности [Кондаков 2011, 13–30]. Собственно, «расщепление» смыслов направлено *вовнутрь* культуры и способствует *углублению* смысловой неопределенности и поэтапному распаду ментальности – вплоть до самых глубинных ее (архетипических) структур и бессознательных интенций – посредством деления базовых концептов на противоположные и часто взаимоисключающие смыслы и порождения соответствующей цепной реакции. При ускоряющемся «расщеплении» множества системообразующих и производных от них концептов культуры *распаду* подвергается само «ядро» культуры, сосредотачивающее в себе совокупность взаимосвязанных ценностно-смысловых ориентаций и универсалий, удерживающих целое в границах силового поля культурно-цивилизационной идентичности. Системообразующее «ядро» культуры вытесняется аморфным «комом» амбивалентных смыслов и ориентаций, в принципе не способным организовать культуру как целое и структурировать ее.

Первый из названных деструктивных механизмов культуры – *эристика* – представляет собой *гиперболизацию медиации*, порождающей новые смыслы и значения не только в области «*между*» противоположными полюсами, но и в области «*вокруг*» них (ассоциативный «ореол», размывающий границу, отделяющую культуру от ее контекста). Фактически эристика – это дважды медиация или «медиация медиации». Другой культурный механизм – *расщепление (смыслов)* – означает *гиперболизацию инверсии*, не ограничивающейся культивированием уже сложившейся бинарности, но и реализующей *интериоризацию* этой бинарности внутрь каждого значимого концепта (символа, понятия, образа и т.п.), что и означает расщепление смысла, а в перспективе –

¹ В отношении, например, истины или лжи, добра или зла, красоты или безобразия, свободы или рабства, святости или греховности, справедливости или произвола и т.п.

и самого культурного «ядра». Фактически расщепление смысла – это дважды инверсия или «инверсия инверсии».

Оба механизма деструктивности представляют собой «двухшаговые» конструкции. Эристика выступает как «второй шаг» медиации и новый уровень сложности медиативных процессов; расщепление смыслов означает «второй шаг» инверсии и новый уровень усложнения инверсионных процессов в культуре и обществе. При этом инверсия и медиация уже не существуют отдельно друг от друга, наслаиваясь одна на другую. Социокультурные процессы в обществе в это время достигают такого (запредельного) уровня сложности, который не может быть освоен (и осмыслен) обществом и воспринимается как неуправляемый хаос (каковым на самом деле этот уровень сложности и является).

Это означает, что переход культуры с уровня конструктивной напряженности на уровень деструктивной напряженности происходит в результате *общего кризиса конструктивности*, приводящего к дальнейшему росту сложности и напряженности культуры, обретающей деструктивные формы и драматические тенденции развития (включая смуту, семантический хаос, кризис культуры, мутацию менталитета, раскол и распад культурно-цивилизационной идентичности).

Это объясняется тем, что в кризисных (в том числе революционных и военных) ситуациях медиативные и инверсионные процессы перепутываются, накладываются друг на друга и вступают во взаимодействие между собой. Слабая медиация оказывается осложнена (надстроена и искажена) инверсией; а слабая инверсия – по-своему осложнена медиацией. Порожденная слабыми медиативными процессами срединная культура, призванная нейтрализовать противостояние контрастных полюсов, сама в кризисных условиях частично раскалывается, подчиняясь инверсионной логике, но в той или иной мере частично сохраняет медиативные функции. Возникает постоянное стяжение и столкновение двоичных и троичных смыслов, трудно совместимых между собой (четность/нечетность, дивергенция/конвергенция, делимость диад и триад лишь на самое себя), что усугубляет смысловую неопределенность и хаотичность кризисной ситуации за счет стихийного умножения противоречивых смыслов и усиливает драматическую непредсказуемость дальнейшего культурно-исторического процесса (стихийно-анархической или революционно-разрушительной направленности).

Тернарность versus бинарность

Характерная для революционных событий и настроений триада «Свобода – Равенство – Братство» с началом политической борьбы раздваивается в каждом из трех ее концептов. «Свобода» – от кого и для чего? «Равенство» – между кем и чем? «Братство» – в каком смысле – социальном, этническом, политическом, религиозном и т.д.? То же относится к триаде «Истина – Добро – Красота», где каждый из входящих в ее состав концептов начинает трактоваться с классовой и партийной точки зрения, т.е. амбивалентно. В культурфилософскую конструкцию (этико-эстетической направленности) вторгается политика, придающая каждому из концептов социально-политический смысл. Но на этом метаморфозы данной триады не завершились.

Дело в том, что «расщепление» каждого из концептов этой триады по социально-политическому принципу приводило к «расщеплению» смыслов и этико-эстетических. «Истина» раскалывается на «истину» и «ложь» (понимаемые с каждой точки зрения взаимоисключающим образом). «Добро» раздваивается на «добро» и «зло» (также трактуемые различно с разных идейных позиций). «Красота», интерпретируемая с различных классово-партийных позиций, воспринимается двусмысленно (не только позитивно, но и негативно). В результате сама триада двоится: рядом с «Истиной, Добром и Красотой» возникает ее тень – «Ложь, Зло и Безобразия».

Что же касается т.н. «уваровской триады» – «Самодержавие – Православие – Народность», то после революции (свержения самодержавия и насаждения воинствующего атеизма) эта одиозная триада, естественно, распалась, но вскоре возродилась в новом политико-идеологическом оформлении: вместо самодержавия – *коммунистическая партийность* (воплощенная в Советской власти); вместо православия – *марксистско-ленинская идеология* (коммунистическая идейность); наконец, *народность* осталась в прежнем качестве – безликого и пассивного субстрата политического строя (другое дело, что сам политический строй радикально изменился, став советским). Взаимодействие и противоборство тернарности и бинарности проявилось в том, что советская триада стала противовесом «уваровской» и в то же время – ее точным отражением, семантическим и функциональным.

Однако власть политики на этом не закончилась. В предисловии к поэме «Возмездие» А. Блок вспоминал: «Зима 1911 года была

исполнена глубокого внутреннего мужественного напряжения и трепета. Я помню ночные разговоры, из которых впервые выросло сознание нераздельности и неслиянности искусства, жизни и политики» [Блок 1960, 296]. И тут же продолжил: «Именно мужественное веянье преобладало: трагическое сознание неслиянности и нераздельности всего – противоречий непримиримых и требовавших примирения» [Блок 1960, 296]. Блок констатирует: вместо классической «соловьевской» триады «Истина – Добро – Красота» возникла другая триада, состоящая из новых концептов, более емких и более абстрактных: вместо «Красоты» появилось «Искусство» (далеко не исчерпываемое «красотой»); вместо «Добра» пришла «Жизнь» (далеко не сводимая к «добру»); наконец, вместо «Истины» вторгается «Политика» (менее всего основывающаяся на «истине», но и не сводимая ко «лжи»).

Трагизм «нераздельности и неслиянности» (как известно, эта формула используется в богословии при характеристике Троицы – триединой сущности Бога) в данном случае заключается в том, что политика, вторгшаяся в культуру (представленную искусством, нравственностью и философией), выступает в отношении искусства и жизни как диктат и грубое насилие, совершенно не считающееся с культурной и социальной спецификой и принуждающее деятелей культуры и членов социума исполнять политические предписания. Возникает бинарная структура: на одном конце оппозиции – искусство, философия, этика и эстетика, т.е. в целом – культура; а на другом – вездесущая и всеядная политика, далекая от художественной и философской культуры, но обладающая социальной, экономической и военной силой.

В результате тернарные структуры (нравственное – эстетическое – интеллектуальное) исподволь разрушаются под влиянием проникающей в них бинарности. В дуальной оппозиции «политика – культура» господствует *вектор деструктивной напряженности*, проявляющийся в различных формах давления политики на культуру. Одним из результатов такого давления является феномен «социалистического реализма», в котором политика подчиняет себе искусство, минимизируя его присутствие в дуальной оппозиции (например, до уровня социально-политической тематики или идеологической дидактики). В современных условиях дуальная оппозиция «экономика – культура» выдвигает в качестве основного вектора напряженности «коммерческую

эффективность», которая во многих случаях – по отношению к науке, искусству и философии – действует деструктивно.

Соответственно, бинарные оппозиции, обусловленные логикой революционной борьбы («Кто – кого?», «Кто не с нами – тот против нас!», «Кто не работает – тот не ест!», «Революция или смерть!» и т.п.), неизбежно осложняются нейтральными или внеположными позициями тех, кто не принимает ни революции, ни контрреволюции, кто не за красных и не за белых, кто не участвует в борьбе и не сочувствует социокультурной конфронтации, т.е. подспудно проникаются скрытой тернарностью, которую создает своего рода спонтанно возникающая «срединная культура», опровергающая принцип «иного (третьего) не дано». В роли этой как бы «срединной культуры» может выступать «внутренняя эмиграция», «скрытая оппозиция», «либеральная идея», «диссидентство», «духовное подполье», «андеграунд» и т.п. Но в условиях противостояния Государству, существующей власти, спецслужбам, господствующей идеологии эта «срединная культура» сама по себе всегда чревата расколом и распадом.

Обратный переход революционных процессов в эволюционные объясняется угасанием активности деструктивных механизмов и возрождением конструктивных тенденций, связанных с классической медиацией или классической инверсией (уже разъединенных между собой и принадлежащих разным дискурсам). Стимулом для подобного перехода с одного (запредельного) уровня напряженности – *деструктивной* – на другой, более низкий уровень – *конструктивной* напряженности – становится возникновение в культуре новых смыслов и значений, новых идеалов и целей, новых концепций развития и историософских теорий, которые способствуют возрождению конструктивности в функционировании и рефлексии культуры, формированию системности культуры, построенной на иных, чем ранее, основаниях, а значит, вместе с тем и воссозданию заново (своего рода реконструкции) культурной и цивилизационной идентичности.

Трансцендентная напряженность

Однако в культуре существуют и иные параметры *смысловой напряженности*, принципиально отличные от конструктивной и деструктивной. Назовем ее (условно) *трансцендентной*. Интеллектуальная процедура *трансценденции* (от лат. transcendens – «переступающий, превосходящий, выходящий за пределы») от-

носится, конечно, прежде всего к религиозным, эзотерическим и мистическим практикам, предполагающим взаимодействие с различными версиями *сакрального* (реального или воображаемого) или *потустороннего*. В истории человечества доля трансцендентной напряженности сакрального в актуальной культуре меняется: от безусловного преобладания в первобытной культуре, а также в культурах древнейших цивилизаций к постепенному снижению роли трансцендентного в средневековой культуре и радикальному переходу культуры Возрождения к антропоцентризму, а затем – к постепенному смещению области трансцендентной напряженности сакрального на периферию актуальной культуры Нового времени [Пелипенко, Яковенко 1998, 256–265; Давыдов, Розин 2017, 54–56, 59–66, 133–136, 156–163].

Но сакральное – это лишь одна из возможных версий трансцендентного. Другие версии трансцендентного – непознаваемое (или непознанное), невыразимое, непередаваемое, бессознательное и т.п. – получают все более широкое распространение в философии и психологии, в математике и в искусстве, особенно в культуре Нового и Новейшего времени. Семантика трансцендентного в сфере секулярных практик и отвлеченного мышления особенно многообразна и содержательна. Другое дело, что научное изучение этой семантики принципиально затруднено, и механизмы трансцендентной напряженности сложно выявить и еще сложнее рационально сформулировать [Гайденок 1997; Жаров 2006; Лаврухина 2007]. Ведь сама интенциональная специфика трансценденции заключается в том, что это выход за пределы опыта, за пределы имманентной реальности и логики; это приобщение к предельному и запредельному, а потому она невыразима в общеизвестных и распространенных понятиях и суждениях, будучи, так сказать, «вещью-в-себе-и-для-себя». Трансцендентная напряженность культуры является компенсаторной – как в отношении конструктивной, так и деструктивной напряженности.

Показательно рассуждение С.Л. Франка об *Абсолютном* – одном из понятий, приближающих нас к трансцендентному. Определяя Абсолютное как «область, находящуюся по ту сторону относительного и поверх его» [Франк 1996, 59], С.Л. Франк подчеркивает, что «в борьбе с Абсолютным объединились наука и религия, две силы, во всем остальном несогласные друг с другом... Поскольку все, что познается наукой, относительно... то с этой точки зрения Абсолютное как непознаваемое и одновременно

подлинный предмет познания оказывается смазанным... Со своей стороны, религия рассматривает “Абсолют” как опасного и пагубного конкурента истинной идеи Бога, потому что, как полагают, Абсолютное подменяет личного Бога безличным средним...» [Франк 1996, 58]. Таким образом, Абсолютное представляется феноменом, парадоксально находящимся одновременно по ту сторону науки и религии, знания и веры, – т.е., по сути, *вненаходимым*.

Разумеется, религиозная и богословская догматика представляется верующим *смысловой определенностью*, а значит, не подлежит сомнению. Но религиозное творчество – богоискательство, богостроительство, богоборчество и другие подобные духовные искания – может осуществляться лишь в пространстве смысловой неопределенности. Религиозная вера, какой бы крепкой и стойкой она ни была, постоянно наталкивается на области смыслов, недоступных рациональному познанию, – непредсказуемые, необъяснимые, невероятные... Это области, условно говоря, подвластные Провидению, Божественной воле, но неведомые простым смертным, недоступные повседневному опыту и социальной политике.

О событиях, находящихся за чертой посюстороннего знания, можно строить гипотезы и возносить молитвы, на благоприятный исход будущих событий и действий можно надеяться и верить в их благость и милость, наконец, можно верить в чудо и рассчитывать на его спасительность, т.е. на свершение невероятного, или апеллировать к визионерству как непосредственному свидетельству об ином мире, но все эти факторы человеческой жизни и культурной истории, религиозного или художественного воображения воплощают необычную ценностно-смысловую напряженность культуры и не вносят определенности ни в коллективное, ни в индивидуальное бытие, ни в систематизацию человеческого опыта, тем более, если они не относятся прямо к трансцендентному миру. Тем не менее все это многообразие смысловой неопределенности, различно опосредующее виртуальную реальность прошлого, настоящего и будущего, относится к феноменологии культуры и нуждается в углубленном культурфилософском исследовании.

Заключение

Социокультурные процессы, наполняющие мировую и отечественную историю, имеют разнонаправленный характер, что не-

посредственно связано с различными формами социокультурной напряженности. В работах А.С. Ахиезера и его последователей более всего внимания уделено конструктивной напряженности и ее ведущим механизмам – инверсии и медиации. Гораздо в меньшей степени изученной оказалась деструктивная напряженность и ее ведущие механизмы. Между тем осмысление таких проблем, как кризис культуры, социальный и культурный регресс, утрата культурной и цивилизационной идентичности, логика катастроф в истории культуры и цивилизации, изучение культурно-цивилизационных аспектов революций, гражданских войн, политических репрессий, геноцида и т.п. вне анализа деструктивной напряженности, ее векторов и механизмов – невозможно.

Предпринятый социокультурный анализ деструктивной напряженности показал, что в кризисных ситуациях происходит резкое возрастание противоречивости, а вместе с тем и напряженности культуры. Сбой, наблюдаемый в функционировании механизмов культурной конструктивности, получает свое выражение в совмещении инверсии и медиации в рамках единого дискурса и в радикализации инверсионных и медиативных процессов. Это приводит к образованию особых культурных механизмов (второго порядка), специфических для деструктивной напряженности, – эристики и «расщепления смыслов». Первый из них складывается на основе гипертрофированной медиации, второй – на базе гипертрофированной инверсии. Эристика размывает любые дуальные оппозиции, превращая их в «срединную культуру» (без полюсов); «расщепление смыслов» ведет к дроблению любых концептов культуры на взаимоисключающие противоположности. Оба механизма культурной деструктивности разрушают целостность культуры – и вовне (эристика) и внутри («расщепление культурного ядра»). Здесь находится «ключ» к пониманию «поток» дезорганизации и цивилизационных катастроф.

Деструктивная напряженность культуры в конечном счете определяется столкновением и борьбой бинарных и тернарных структур, представляющих собой ценностно-смысловое развитие в первом случае инверсии, а во втором – медиации; в первом случае – инверсии, осложненной расщеплением смыслов, во втором – медиации, осложненной эристикой. Какой-либо содержательный диалог между бинарными и тернарными структурами невозможен; в ходе их взаимодействия недостижимо рождение нового социокультурного результата, снимающего противоречия между

бинарностью и тернарностью. Только усталость от деструктивного напряжения снижает «градус» социально-психологической и смысловой напряженности культуры, либо возвращая ее в русло конструктивности, либо обращая к трансцендентности.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Ахиезер 2006 – *Ахиезер А.С.* Труды. – М.: Новый хронограф, 2006.
- Ахиезер 2008а – *Ахиезер А.С.* Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России) / 3-е изд. испр., и доп. – М.: Новый хронограф, 2008.
- Ахиезер 2008б – *Ахиезер А.С.* Массовые решения и опасность национальных катастроф в российской истории // *Ахиезер А.С.* Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России) / 3-е изд., испр. и доп. – М.: Новый хронограф, 2008. С. 906–929.
- Блок 1960 – *Блок А.А.* Собр. соч.: В 8 т. Т. 3. – М.; Л.: Художественная литература, 1960.
- Вежицкая 1997 – *Вежицкая А.* Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1997.
- Гайденко 1997 – *Гайденко П.П.* Прорыв к трансцендентному. Новая онтология XX в. – М.: Республика, 1997.
- Давыдов, Розин 2017 – *Давыдов А.П., Розин В.М.* Спор о медиации: Раскол в России и медиация как стратегия его преодоления. – М.: ЛЕНАНД, 2017.
- Жаров 2006 – *Жаров С.Н.* Трансцендентное в онтологических структурах философии и науки. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2006.
- Кондаков 2011 – *Кондаков И.В.* Современная эристика, или Культура без берегов // *Кондаков И.В.* Вместо Пушкина. Незавершенный проект: Этюды о русском постмодернизме. – М.: МБА, 2011. С. 13–30.
- Кондаков 2014 – *Кондаков И.В.* Медиация среди других типов «конструктивной напряженности» // *Философские науки.* 2014. № 4. С. 112–113.
- Кондаков 2017 – *Кондаков И.В.* К современной философии истории // *Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение».* 2017. № 4. Вып. 2. С. 221–230.
- Кондаков 2018а – *Кондаков И.В.* Культурогенез исторических поворотов // *Исторические повороты культуры.* – М.: Согласие, 2018. С. 61–66.
- Кондаков 2018б – *Кондаков И.В.* Поэтика смысловой неопределенности // *Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение».* 2018. № 2 (35). Ч. 2. С. 172–182.
- Лаврухина 2007 – *Лаврухина И.М.* Трансцендентное: концептуальные версии в культуре. – Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 2007.
- Лотман 1992 – *Лотман Ю.М.* Культура и взрыв. – М.: Гнозис; Прогресс, 1992.
- Пелипенко, Яковенко 1998 – *Пелипенко А.А., Яковенко И.Г.* Культура как система. – М.: Языки русской культуры, 1998.

Франк 1996 – Франк С.Л. Русское мировоззрение. – СПб.: Наука, 1996.

REFERENCES

- Akhiezer A.S. (2006) *Works*. Moscow: Novyy Khronograf (in Russian).
- Akhiezer A.S. (2008a) *Russia: A Critique of Historical Experience (Socio-Cultural Dynamics of Russia)* (3rd ed.). Moscow: Novyy Khronograf (in Russian).
- Akhiezer A.S. (2008b) Mass Decisions and the Danger of National Disasters in Russian History. In: Akhiezer A.S. (2008a) *Russia: A Critique of Historical Experience (Socio-Cultural Dynamics of Russia)* (3rd ed.) (pp. 906–929). Moscow: Novyy Khronograf (in Russian).
- Blok A.A. (1960). *Collected Works in 8 Vols.* (vol. 3). Moscow: Khudozhestvennaya literatura (in Russian).
- Davydov A.P. & Rozin V.M. (2017) *The Dispute about Mediation: A Split in Russia and Mediation as a Strategy to Overcome It*. Moscow: LENAND (in Russian).
- Frank S.L. (1996) *Russian Worldview*. Saint Petersburg: Nauka (in Russian).
- Gaidenko P.P. (1997) *Breakthrough to the Transcendental. New Ontology of the 20th Century*. Moscow: Respublika (in Russian).
- Kondakov I.V. (2011) Modern Eristic, or Culture Without Coast. In: Kondakov I.V. *Instead of Pushkin. Incomplete Project: Studies on Russian Postmodernism* (pp. 13–30). Moscow: MBA (in Russian).
- Kondakov I.V. (2014) Mediation among Other Types of “Constructive Tension.” *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. 2014. No. 4, pp. 112–113 (in Russian).
- Kondakov I.V. (2017) On the Modern Philosophy of History. *Bulletin of the RSUH. Series: Philosophy. Sociology. Art History*. 2017. No. 4, part 2, pp. 221–230 (in Russian).
- Kondakov I.V. (2018a) Cultural Genesis of Historical Turns. In: Astafieva O.N. (Ed.) *Historical Turns of Culture* (pp. 61–66). Moscow: Soglasiye (in Russian).
- Kondakov I.V. (2018b) Poetics of Semantic Uncertainty. *Bulletin of the RSUH. Series: History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies*. 2018. No. 2, part 2, pp. 172–182 (in Russian).
- Lavrukhina I.M. (2007) *Transcendental: Conceptual Versions in Culture*. Rostov-on-Don: RSU Press (in Russian).
- Lotman Y.M. (1992) *Culture and Explosion*. Moscow: Gnosis; Progress (in Russian).
- Pelipenko A.A. & Yakovenko I.G. (1998) *Culture as a System*. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury (in Russian).
- Wierzbicka A. (1997) *Language. Culture. Comprehension*. Moscow: Russkie slovari (in Russian).
- Zharov S.N. (2006) *Transcendental in Ontological Structures of Philosophy and Science*. Voronezh: Voronezh State University Press (in Russian).